

Реформум

Василий Жарков

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА БУДУЩЕЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

РЕФОРУМ

2024

Введение

Настоящая policy paper представляет собой не стройную «стратегию» внешнеполитического курса, но скорее рассуждения о будущих задачах и направлениях восстановления международных позиций России после происходящей на наших глазах катастрофы. Поскольку никто пока не может предсказать масштабов этой катастрофы на момент её окончания, всех совершённых на тот момент преступлений и состояния сторон, сегодня крайне трудно описывать возможные пути и сценарии возвращения к «нормальности».

Мы будем исходить из неочевидных, но сохраняющихся на сегодня констант:

- Мировой порядок будет по-прежнему определяться с решающим участием его нынешних лидеров — США и их союзников в Европе и в мире;
- Россия сохранится как консолидированное федеративное государство в своих международно признанных границах.
- Внутри политической структуры Российской Федерации произойдут существенные системные изменения, связанные с демократизацией и демилитаризацией её элит и общества в целом.

На третьем году самой тяжелой за последние 80 лет войны в Европе уже невозможно представить дело таким образом, что в случае чудесного её завершения Россия и международное сообщество немедленно вернуться к уровню взаимоотношений трёх предшествующих десятилетий. Это невозможно. Наша страна в её нынешнем виде служит едва ли не главной угрозой существующему миропорядку и фактически ставит своей целью его разрушение. К сожалению, эта цель может быть достигнута, даже если сама Россия в итоге потерпит поражение.

Трудности текущего кризиса

Будучи периферией западной цивилизации, Россия бросила вызов именно западному альянсу государств и пытается покончить с их лидерством на мировой арене. В качестве союзников Кремль призывает так называемый глобальный Юг, или, как он выражается, [«мировое большинство»](#). Экономическое и военно-политическое сближение трёх крупнейших автократий Евразии — Китая, России и Ирана — уже в ближайшие годы чревато эскалацией существующих и возникновением новых конфликтов. Центральная и Восточная Европа, Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион — точки на карте, где могут расширяться зоны военных действий (вторжение России в страны Балтии и нападение Ирана на Израиль) и возникнуть новые масштабные кровопролития (атака КНР на Тайвань).

Если представить, что текущие конфликты служат лишь прообразом, репетицией будущей военной аннексии, которую планирует устроить Китай, одновременно при помощи ассоциированных с ним автократий расширив зоны боевых действий в Европе и на Ближнем Востоке, получится, что существующий международный порядок переживает мощнейший кризис со времён Второй мировой войны. По итогам разгорающегося мирового конфликта с большой долей вероятности произойдет полная перезагрузка существующей системы международных отношений. Сокрушить новый «тройственный союз» США и союзным им «объединённым нациям» будет гораздо сложнее, чем победить ось Берлин — Рим — Токио 80 лет назад.

Положение России на карте мира таково, что она не может не играть ключевой роли в международной политике. Тем хуже для неё, что эта роль в последние годы носит исключительно негативный и вредный для существующего миропорядка характер. Захватив Крым в марте 2014-го и дополнительно аннексировав четыре области Украины в сентябре 2022 года, Россия поставила под вопрос собственные границы. До начала текущего кризиса никто в мире не сомневался и не пытался оспаривать территориальную целостность Российской Федерации. Её границы были определены по итогам роспуска Советского Союза двусторонними договорённостями с соседними странами и признаны остальным международным сообществом. Когда российские власти изменили свои границы с захватом Крыма, они сами отказались от существовавшего и устраивавшего все стороны статуса-кво. Теперь неочевидно, где эти границы проходят. Против суверенитета и территориальной целостности России совершено тяжёлое преступление, и допустили его президент и парламент страны. Они в одностороннем порядке включили в состав государства новые территории, и теперь границы России находятся не под защитой международного права, но могут удерживаться лишь за счёт её собственной военной силы. Развязав полномасштабную войну в 2022 году, Кремль демонстрирует всеми миру пределы своей военной мощи и несёт ежедневные потери на фронте. Что будет с границами России, когда её военный потенциал выдохнется? Теперь ясно, что это будет зависеть исключительно от баланса сил на тот момент. Россия сама поставила свои границы под вопрос, а значит, в будущем они могут измениться не обязательно в сторону роста.

Чем дольше идёт война в Украине, чем больше преступлений совершается, тем тяжелее будет груз ответственности за нанесённый ущерб. Сейчас регионы России подчинены жёсткой вертикали власти во главе с Москвой и по большей части не имеют ресурсов для самостоятельного существования. Однако в послевоенной ситуации они могут не согласиться нести всю полноту ответственности наравне с развязавшим войну федеральным центром. Поскольку США и их союзники продолжат политику сдерживания России даже в случае ухода Путина и прекращения текущей войны, региональные элиты могут попытаться выйти из-под санкций, объявив о своей независимости. Какие-нибудь «Соединённые Штаты Сибири и Урала» или «Волго-Донская Федерация» попытаются избежать ответственности за преступления Москвы, вовремя соскочив с крейсера с одноимённым названием. Нравится это кому-то или нет, но вероятность подобной перспективы растёт по мере развития текущего кризиса.

Наконец, совсем не очевидной выглядит перспектива демократизации и демилитаризации России в ближайшем будущем. Прямо сейчас мы наблюдаем ровно обратное: в стране растоптаны остатки демократических свобод и систематически нарушаются права человека, а милитаризация охватывает все сферы жизни — от экономики до школьного просвещения и учреждений культуры. Баланс внутри элит окончательно нарушен в пользу людей в погонах — многие уже не готовы рассматривать крупный бизнес как полноправную группу в элитах, и позиции гражданской администрации очевидно подорваны. Россия постепенно агрегируется в закрытый и мобилизованный военный лагерь с массой дырок в заборе, как принято в советской армии, но с повсеместно укореняющимся военным положением. Сложившаяся система заражена симуляцией деятельности, очковтирательством и воровством. Скорее всего, в какой-то момент она просто разрушится, подобно изъеденному термитами баобабу в саванне. И пока совершенно не понятно, каким образом и почему вместо хаоса и разрухи на руинах существующей вертикали должна установиться демократия.

Развитие российского общества неравномерно. Пока ещё можно допустить достаточно успешную и быструю демократизацию на территориях вокруг Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга и Новосибирска. Однако хорошо известные зоны архаики в составе федерации неизбежно будут тянуть страну к феодальным порядкам и новой деспотии. Это первая проблема, с которой столкнётся любое следующее правительство страны. Демократизация плохо совместима с пребыванием в составе федерации регионов с разным уровнем социального развития и порой диаметрально противоположной политической культурой. Распад федерации чреват вооружёнными конфликтами из-за определения новых границ и этническими чистками, нередко сопровождающимися созданием национальных государств на мировой периферии. Вероятность этих конфликтов усиливается вследствие стремительной социальной и культурной архаизации страны в целом.

Учитывая, что на территории России по-прежнему находятся огромные запасы ядерного, химического и бактериологического оружия, сохранение её территориальной целостности даже ценой откладывания демократизации может стать приоритетом во внешней политике ведущих мировых держав, отвечающих за стабильность международного порядка. США и их союзники после ухода Путина вполне могут предпочесть закрепление той или иной формы авторитаризма в России, лишь бы она сохранила свою целостность в международно признанных границах. В этом случае западный альянс продолжит политику сдерживания на десятилетия вперёд, что фактически будет означать сохранение изоляции нашей страны от европейских ценностей и западного образа жизни. Этот сценарий сегодня представляется наиболее вероятным в западных аналитических центрах¹, но он вряд ли может устроить либерально настроенное меньшинство российского общества.

1 Яркий пример подобного подхода — последний доклад американского Центра европейского политического анализа с характерным названием [Containing Russia, Securing Europe](#).

Пока наша страна и мы вместе с ней не достигнем дна происходящей на наших глазах катастрофы, никто не будет иметь достаточных оснований говорить о стратегии применительно к конкретным обстоятельствам места и времени падения на дно пропасти. Тем не менее попытаемся сделать невозможное и ответить на вопрос о наиболее приемлемых формах и направлениях во взаимоотношениях России с её соседями и миром в долгосрочной перспективе. В качестве вводных обстоятельств принимается следующее: Россия будущего останется в условиях выстоявшего и укрепившегося в ходе текущего кризиса либерального миропорядка в качестве демократического федеративного государства в своих международно признанных границах. На сегодняшний день это не самый вероятный, но наиболее приемлемый сценарий, позволяющий российскому либералу говорить о какой-либо внешнеполитической стратегии своей страны.

Либеральный, или идеалистический тезис этой policy paper звучит следующим образом: **несмотря на текущий кризис, Россия имеет шанс сохраниться как значимый субъект международных отношений в XXI веке только в случае построения внутреннего режима устойчивой демократии, потому что это сделает внешнеполитический курс нашей страны предсказуемым, миролюбивым и релевантным нормам, правилам и институтам либерального международного порядка.** В противном случае Россию ждут долгие десятилетия изоляции от развитого мира и практически неминуемый распад на пребывающие в состоянии войны всех против всех государства разного уровня несостоятельности и отсталости.

I. Теоретические рамки

Под идеализмом в настоящей работе понимается не литературное, а совершенно конкретное политическое понятие. Наряду с реализмом идеализм, именуемый также либерализмом, является одной из двух ключевых парадигм в теории международных отношений². И прежде чем начать рассуждать о возможной либеральной внешнеполитической стратегии России будущего, необходимо определить теоретические рамки подобных рассуждений. Игнорирование подходов политической философии довольно характерно для отечественных экспертов-международников — в основном представителей военных и дипломатических кругов. Однако современная публичная дискуссия о международной политике будет контрпродуктивна, если в её ходе не будет сформулирован язык, понятийный аппарат и методология, представляющая не набор догм, а релевантный способ анализа текущей ситуации и прогнозирования её развития в будущем.

² Подробнее с основными теориями международных отношений лучше всего ознакомиться здесь: Dunne Tim, Kurki Milja, Smith Steve (Eds.) *International Relations Theories*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020.

Международная анархия и мировой порядок

В этом тексте уже не раз упоминалось понятие международный, или мировой порядок. Что оно означает? Слово «порядок» играет с русским человеком злую шутку, особенно если он проходил срочную службу в советской армии. Порядок в нашем представлении — это когда все кровати в казарме одинаково ровно застелены, а трава во дворе покрашена в зелёный цвет к приезду начальства. Порядок в российской культуре связан с армейской дисциплиной, предполагающей максимально возможную унификацию и полный контроль вышестоящими нижестоящих в рамках чёткой иерархии и субординации. Порядок — это про правильное устройство чего-либо, включая отношения между людьми, предполагающее наличие устава и следование ему.

В то же время английское слово *order* (переводимое на русский язык как «порядок») имеет массу значений, некоторые из которых связаны с устройством отношений между людьми. Порядок может быть нарушен, пересмотрен или уточнён. Чем гибче порядок, чем он более подвержен корректировкам по мере столкновения с действительностью, тем больше шансов на его устойчивость и долговечность. Порядок в данном случае не заданное свыше «правильное устройство», но нечто организованное в соответствии с договором, плод человеческого ума.

Международный порядок (*international order*) — это некий набор паттернов (моделей) поведения, создающих структуру отношений акторов на мировой арене. Этими акторами с начала Нового времени преимущественно выступают суверенные территориальные государства-нации, находящиеся по отношению друг к другу в специфическом состоянии международной анархии. Международная анархия представляет собой ключевое понятие теории международных отношений. Она обусловлена независимостью каждого актора, не подчинённого никакой внешней власти и опирающегося на свою собственную во взаимодействии с себе подобными. Однако даже в условиях этой специфической анархии между государствами с течением времени формируется и постоянно развивается взаимно принятый набор норм, правил и институтов. Эти нормы, правила и институты задают параметры международного порядка: не будучи подчинёнными общей власти и закону, государства добровольно помещают свои действия в известные рамки. Это делает их политику чуть более рациональной и предсказуемой, хотя не позволяет избежать взаимного непонимания и конфликтов.

Цель международного порядка — поддержание мира, но эта цель достижима лишь очень отчасти. Локальные конфликты низкой степени интенсивности в условиях международной анархии практически неизбежны и не так опасны, если не нарушают общего статус-кво. Однако крупные и тем более глобальные конфликты высокой степени интенсивности (такие, как Первая и Вторая мировые войны) обычно свидетельствуют о провале прежнего международного порядка, на смену которому приходит новый. Нормы, правила и институты переживают вызовы и меняются в соответствии с результатами очередного большого кризиса.

Представьте, что вы мчитесь на огромной скорости по очень длинному мосту

над глубокой пропастью, заливом или устьем широкой реки. Вдруг справа вас без предупреждения подрезает другая машина, нарушая ПДД. Рядом с вами нет поста ДПС, а камеры слежения лишь зафиксируют факт вашей гибели в ДТП. Вам нужно действовать на свой страх и риск, в мгновение ока оценив возможные последствия столкновения, торможения в своём ряду или резкого поворота в сторону.

В международных отношениях основными участниками движения являются суверенные государства. Само это движение постоянно происходит на том самом бесконечном мосту, где нет и не может быть никакой полиции. Да, камеры мировых информационных агентств могут зафиксировать нарушение правил, но эти правила достаточно условны: каждый понимает их по-своему и видит нарушение не там, где его видят другие. Рациональный участник дорожного движения в таких условиях будет внимательно следить за дорогой и постоянно маневрировать, дабы избежать столкновения с человеческими жертвами или падения в пропасть.

Современный мировой порядок — весьма хрупкая и балансирующая на краю пропасти структура; в масштабах истории человеческой цивилизации он существует ничтожно мало. Первый в мировой истории международный порядок возник после заключения Вестфальских мирных соглашений в 1648 году, в него тогда не входили ни Англия, ни Россия. О глобальном порядке в международных отношениях можно говорить не ранее окончания Первой мировой войны (при том, что большая часть мира в межвоенный период оставалась поделённой между европейскими колониальными империями).

Современный мировой порядок начинает складываться только после Второй мировой войны, его формирование завершается лишь в начале 1990-х годов с распадом СССР и советского блока. Тогда, по выражению Эрика Хобсбаума, возникло «более дюжины новых территориальных государств ... без какого-либо независимого механизма, определяющего их границы»³. Благодаря распаду мировой колониальной системы сложилась современная палитра политической карты мира, включающая на сегодняшний день 193 государства-члена ООН.

Нормы, правила и институты глобального управления со второй половины 1940-х годов достигли максимальной степени развития. Либеральный интернационализм ООН и принятой ею Всемирной декларации прав человека, экономический либерализм МВФ и ВТО, открытость мировых рынков и общая тенденция к демократизации политических режимов по всему миру — даже в условиях холодной войны всё это вселяло оптимизм относительно будущего мира. Стремительное прекращение холодной войны и демократизация стран советского блока в конце 1980-х позволили Фрэнсису Фукуяме провозгласить «конец истории», ознаменовавшийся окончательной победой демократии. Впрочем, в том же самом эссе 1989 года, вскоре вышедшем в русском переводе в Советском Союзе, профессор Фукуяма предупреждал, что Россия не обязательно пойдёт послевоенным путём Западной Европы в сторону демократии и открытого общества. Если, уверенная в собственной уникальности, она «застрянет на

3 Hobsbaum E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century. 1914-1991. London: Abacus, 1997. P. 558.

месте», писал он, то, учитывая размеры государства, это «по-прежнему будет поглощать наше внимание»⁴ и мешать осознанию конца истории.

Важная ошибка Фукуямы — переоценка потенциала демократизации Китая путём включения в глобальный либеральный рынок и приобщения к буржуазным практикам консюмеризма. Как показывает опыт последующих 35 лет, участие в международном разделении труда на правах периферии мир-экономики капитализма привело не к крушению, а к укреплению автократических режимов в странах, производящих товары народного потребления (Китай) или поставляющих энергетическое сырьё на мировые рынки (Россия, страны Персидского залива и Венесуэла). **Третья волна демократизации исчерпала себя уже в 1990-е, а с начала нового тысячелетия повсеместно началось обратное движение в сторону несвободы.** Сегодня на фоне роста популярности правопопулистских политиков либеральная демократия проходит испытание в Западной Европе и США.

Февраль 2022 года в очередной раз показал ограниченность действия международных либеральных институтов как механизма поддержания мирового порядка. Совет Безопасности ООН фактически парализован, а запрещающие ведение агрессивных войн нормы международного права разбиты вдребезги. Управляющие мировой экономикой институты шатаются (МВФ) или находятся в упадке (ВТО), рискуя быть разрушенными новыми финансовыми кризисами. Наконец, даже такие устойчивые региональные объединения, как Европейский Союз и НАТО, испытывают серьёзный внутренний стресс и едва ли не грозят распасться под действием усиливающихся центробежных сил. Международная анархия остаётся единственной константой, описывающей состояние мировой политики. Глобальный порядок попросту некому поддерживать.

Что делает внешнюю политику государства предсказуемой

Как достичь мира, тем более мира навсегда, вечного мира? Нет более неподходящего времени для разговоров на эту тему, нежели сейчас. Впрочем, и в 1795 году рассуждать об установлении устойчивого мира, казалось, мог только очень далёкий от жизни и наивный человек. Однако свой знаменитый, давно ставший классическим трактат «К вечному миру» Иммануил Кант написал именно тогда. В тот год французские войска заняли Нидерланды, три великих державы Европы — Россия, Австрия и Пруссия — совершили последний и окончательный раздел Польши, войска иранского шаха вторглись в Закавказье и разорили Тифлис, а англичане захватили Цейлон.

Как и все философы, воспитанные эпохой Просвещения, Кант руководствовался принципами разума и книжной традицией. Он прекрасно знал о существовании основного естественного закона, сформулированного в «Левиафане» Томаса Гоббса: «предписание или общее правило разума» гласит, что «всякий человек должен

4 Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 147.

добиваться мира, поскольку у него есть надежда достигнуть его»⁵. И именно с этой целью каждому человеку и особенно тому, кто наделён большой властью, необходимо ограничивать собственный произвол. В своих рассуждениях о вечном мире основоположник идеализма в теории международных отношений Кант — лишь последовательный ученик основоположника реализма Гоббса: со времён Просвещения у политических мыслителей нет выбора, быть ли им на стороне мира или призывать к войне. Даже если здравый смысл, коим в равной степени обладают и таксист, и грабитель с большой дороги, не видит логических противоречий в том, чтобы учинить очередную «маленькую победоносную войну», **те, кто служит законам разума, обязаны искать мира в любой ситуации. Всегда и везде, пока существует человечество.**

В любом случае и независимо от наших желаний человеческая история движется к той или иной форме вечного мира. Мы обычно забываем о пути, который может быть пройден без всяких условий и договорённостей — правда, и без людей. Вечный мир, по Канту, может быть установлен в результате всеобщей «истребительной войны»⁶, после которой в мире не останется никого, кто мог бы воевать. Однако человечеству не суждено будет его увидеть. *La race dei sepolcri*, мир гробниц — так в опере «Дон Карлос» Верди описывается тот «порядок», который несла кровавая и беспощадная война испанской короны и католической церкви против восставшей за свою независимость Фландрии.

Кто во времена Канта мог бы поверить в возможность полного истребления человечества в результате глобальной войны? Сегодня угроза ядерной войны — часть нашей повседневности. И поистине великим будет не тот политический деятель, кто будет присоединять новые земли к своей империи, но тот, кто сможет эту смертельную угрозу если не устранить полностью, то по крайней мере сделать меньшей.

Условия вечного мира, которые предлагает Кант, выглядят не вполне реалистичными, но кое-что человечеству удалось воплотить в жизнь. Когда Кант пишет, что «постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть»⁷, он, конечно, имеет в виду те армии, которые существовали в его историческую эпоху, т.е. рекрутские и наёмнические армии абсолютных монархий. Всё время наращивая мощь и служа постоянным вызовом друг для друга, эти армии, состоявшие из подневольных или наёмных исполнителей убийства, служили главной причиной недоверия между странами, равно как и порождаемых этим недоверием соперничества и войн.

При этом Кант не имеет ничего против «добровольного, периодически проводимого обучения граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и своё отечество от нападения извне». Ровно по такому принципу — армии обороны своей страны — построены вооружённые силы и гражданская воинская обязанность в большинстве современных демократических стран Европы.

Впрочем, армия особого, оборонительного, а не наступательного типа — лишь часть того, что можно назвать политической структурой современной демократической

5 Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 186.

6 Кант И. К вечному миру. М: РИПОЛ классик, 2018. С. 254.

7 Там же. С. 251.

республики. Описывая внутренне устройство государства, способствующее его более миролюбивой внешней политике, сам Кант слово «демократия» и не использовал. Куда важнее предлагаемый рациональный принцип, при котором все политические решения принимаются коллегиально, когда исполнительная власть отделена от законодательной и находится под гражданским контролем, когда первое лицо государства — лишь один из равных, временно избранный на свой пост. И когда решения принимаются не по произволу единоличного правителя, а на основании интересов граждан и права.

Интересы бывают разные. Пользуясь неограниченной властью, можно захотеть всемирной славы и ради этого пойти на войну, допустить гибель людей и разрушения. Однако обычно взрослый человек, обременённый своим делом, личной собственностью, семьёй и наделённый хотя бы толикой разума, хочет самых простых вещей — долгих лет жизни и процветания себе и своим близким. Ни того, ни другого невозможно достичь в условиях войны. Даже если эта война окажется победоносной, за неё придется платить — жизнями и благополучием конкретных людей. Поэтому Кант утверждает следующее:

Если ... для решения вопроса: быть войне или нет? — требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру. Ведь все тяготы войны им придётся взять на себя — самим сражаться, оплачивать военные расходы из своих средств, в поте лица восстанавливать опустошения, причинённые войной, и в довершение всех бед навлечь на себя ещё одну, отравляющую и самый мир, — никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов⁸.

Республиканское устройство делает государство более миролюбивым. Вот почему республики, где граждане допущены до обсуждения и принятия решений, так неохотно начинают войны и до последнего стремятся искать мирное решение, даже когда имеют дело с кровавыми диктаторами и агрессорами вроде Гитлера и ему подобных.

Возможный для человечества путь к вечному миру лежит через повсеместное республиканское устройство во всех государствах мира вместо принципа «государство — это я», через добровольное самоограничение амбиций и произвола как на уровне отдельных людей, так и на уровне государств, через доверие вместо страха, через разоружение вместо постоянной боеготовности. Этот путь требует от человечества невероятных усилий, особенно от тех, кто обременён политической властью.

У этого пути есть альтернатива. Но альтернативный вариант — гибель человечества — столь ужасен и неприемлем, что усилия поиска мира при жизни человечества необходимо продолжать. Не для того, чтобы любым способом войти в историю, но для того, чтобы наша общая история продолжалась.

Итак, идеалистический, он же либеральный взгляд на международные отношения предполагает совпадающий с требованием реалистов поиск условий устойчивого и долгосрочного мира. Но в отличие от взгляда реалистов, идеалистический взгляд предполагает возможность эволюции социальных отношений от международной

8 Кант И. Указ. соч. С. 259.

анархии в сторону большей кооперации конкурирующих между собой наций. Важным условием мирного сосуществования должен стать переход от монархического к республиканскому устройству в большинстве стран мира. Даже там в Европе, где формальным главой государства остаётся король, его власть ограничена верховенством права и контролем парламента за правительством. По сути, это и есть республика — в отличие от режимов, где диктатор подтверждает свои полномочия на всенародном голосовании за его фактически безальтернативную кандидатуру и где право и суды подчинены воле правителя, а не наоборот.

Если Россия сможет стать наконец демократической республикой в XXI веке, это сделает её внешнюю политику более прозрачной и предсказуемой для остального мира. Более того, это позволит нашей стране присоединиться к той федерации республик, которую представляет собой альянс США, Европы и их союзников из числа демократий по всему миру. В 2024 году это выглядит как наивная мечта, но что, кроме мечты, остаётся, когда видишь, как твоя страна неумолимо падает на дно пропасти? Политическое воображение — вот чего не хватает современным политикам. Только оно способно менять нас самих и мир вокруг нас к лучшему.

II. Исторический контекст

Текущую ситуацию в отношениях России и Запада трудно охарактеризовать иначе, как тупиковую. Однако обе стороны чувствуют себя в подобном состоянии вполне органично. Никто не готов предлагать какой-либо долгосрочной стратегии, действуя в значительной степени инерционно, согласно хорошо известному и неоднократно испытанному алгоритму взаимного противостояния.

Инерция холодной войны

Нынешний кризис принято ассоциировать с фигурой Владимира Путина. Не пытаюсь умалить его персональный вклад в возвращение России в неоимперскую колею, и, как следствие, к новой конфронтации с западными партнёрами, вряд ли объяснение сложных политических процессов возможно посредством одного человека. Такое уже было: конец холодной войны, писал профессор Стокгольмского университета Кьелл Голдманн, связывался исключительно с тем, что во главе Советского Союза оказался Михаил Горбачёв⁹. Подобные конструкции очень просты, дают понятный образ для масс-медиа, играя на эмоциях аудитории. Но с точки зрения рационального политического анализа они ценны, пожалуй, лишь тем, что могут поставить под вопрос саму его необходимость.

9 Goldmann K. Bargaining, Power, Domestic Politics and Security Dilemmas: Soviet “New Thinking” as Evidence // The End of Cold War. Evaluating Theories of International Relations. Preprint and Postscript / Ed. by Pierre Allan and Kjell Goldmann. Boston; London: The Hague, 1995. P. 82.

Господин Путин действительно очень долго правит Россией, так что многие сегодня успели позабыть, что его появление на посту российского президента 24 года назад вызвало публичный энтузиазм не только внутри страны, но и за её пределами. Путин пришёл к власти как прозападный лидер и реформатор, намеренный продолжить транзит России от советского прошлого к будущему, основанному на рыночной экономике, демократии и интеграции в глобальный мир. Его первоначальной программой стала борьба с сепаратизмом и терроризмом, «равноудалённость олигархов» и «диктатура закона», что наряду с восстановлением нормальной работы государственного аппарата воспринималось как шаги позитивного развития. Расширение сотрудничества с США, ЕС и НАТО в этом контексте представлялось необходимой и реальной перспективой политики «немца в Кремле».

Стоит при этом помнить, что 1990-е годы вовсе не были безоблачным периодом в отношениях постсоветской России и североатлантических партнёров. Само появление независимой России на фоне непредсказуемого и стремительного распада СССР произошло скорее вопреки воле Соединённых Штатов, заинтересованных в сохранении устойчивости и целостности второй ядерной сверхдержавы. Коллапс советской империи, сопровождавшие его экономические трудности и вспышки насилия породили страх массового потока беженцев в Европу, что заставило благополучные европейские страны задуматься об укреплении своих восточных границ. Короткий «медовый месяц», ознаменованный больше декларациями и обещаниями, нежели конкретными делами, довольно скоро сменился медленным похолоданием. Уже в середине 1990-х внешним наблюдателям становится понятно, что структурные преобразования в России не приносят желаемых результатов. Обещание демократизации обернулось монархической Конституцией с новым дряхлым «царём» в Кремле, а выбранная модель приватизации породила класс олигархов. Происходящий провал социальной политики и системы образования трагически подорвал и без того ограниченные человеческие ресурсы, породив «веймарский синдром» в деморализованном и обнищавшем российском обществе.

Запад и Россия перестали быть угрозой друг для друга — таким был общий лейтмотив первого десятилетия после окончания холодной войны. Эйфория не позволила увидеть структурных оснований для возвращения к конфронтации и тем более не могла изменить их, осуществив переход к партнёрству на уровне союзнических отношений. Збигнев Бжезинский датировал упущенный шанс на сотрудничество второй половиной 1993 года¹⁰. Тогда президент Ельцин признал, что стремление Польши присоединиться к НАТО не противоречит российским интересам. Ответом Вашингтона могла стать сделка с Москвой, устанавливающая особые отношения между Россией и НАТО. Но администрация Билла Клинтона не воспользовалась этим моментом, и уже два года спустя, в конце 1995-го, на фоне скандалов с нарушением прав человека во время Первой чеченской войны и ответных демаршей российского руководства наблюдатели открыто заговорили о состоянии если не новой холодной войны, то «холодного

10 Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С. 124.

мира». Вскоре на фоне разворачивающейся тотальной пропагандистской кампании по избранию непопулярного в народе Ельцина на второй срок Москва выступила с достаточно резким протестом против расширения НАТО на восток и планов США по развитию собственной системы ПРО.

Другим камнем преткновения стал конфликт в бывшей Югославии: руководствуясь мотивами, замешанными на национальном романтизме, Россия фактически поддержала режим Милошевича в то время, как западные союзники добивались его отстранения от власти и отдачи под международный трибунал. В результате последний год президентства Ельцина ознаменовался двумя демонстративными шагами. Первым стал разворот над Атлантикой самолёта премьер-министра Примакова, направлявшегося с визитом в Вашингтон в знак протеста против американских бомбардировок Белграда. В июне 1999-го, когда Примаков уже был отправлен в отставку, российский батальон ВДВ, входивший в состав миротворческих сил на Балканах, совершил марш-бросок, захватив аэропорт Приштины с целью помешать высадке туда сил НАТО и развертыванию наземной операции против югославской армии Милошевича. Учитывая неравное соотношение сил, планы российских военных держались в строжайшей тайне, а их действия носили неожиданный и молниеносный характер, рассчитанный в первую очередь на медийный эффект. Так, пожалуй, впервые миру был продемонстрирован новый фирменный стиль российской силовой политики, новым изданием которого в 2010-х стали захват Крыма и интервенция в Сирии.

«Великая Россия поднимается с колен», — эти слова, произнесённые президентом Ельциным во время инаугурации летом 1991 года, были специфически поняты новым поколением российских госслужащих, сменивших горбачёвскую номенклатуру. Их делом, как сегодня отчётливо ясно, стало возрождение империи в особом, постмодернистском формате. В результате выхода Украины из переговоров по союзному договору и распада СССР новый российский правящий класс оказался в двойственном положении. С одной стороны, ему удалось в прямом смысле вырвать Кремль из рук союзного центра, получив возможность безраздельно распоряжаться властью и собственностью в самой богатой ресурсами советской республике. С другой стороны, значительная часть территорий бывшей империи, которая в головах этих людей по-прежнему ассоциировалась с исторической Россией, формально и фактически оказалась за границей. Не имея возможности конкурировать на равных с развитыми внешними игроками, Кремль с самого начала был вынужден идти на хитроумные уловки и отчаянные авантюры, чтобы сохранить хотя бы видимость влияния в утраченных имперских границах. В их числе и поддержка непризнанных государств с целью ослабления западно-ориентированных суверенных правительств Молдовы, Грузии, а позднее и Украины.

Само понятие «постсоветского пространства», мало релевантное за пределами РФ, для российского политического класса приобрело поистине сакральное значение. **Геополитика стала почти мистическим инструментом, оправдывающим не столько даже притязания Москвы на свои бывшие колонии, сколько упорное отстаивание ограничения деятельности на этой территории других, более сильных игроков.**

В первую очередь это касалось США и ЕС, искренне не понимавших, почему в условиях современного мира они не могут действовать в Украине и Грузии так же, как где-нибудь в Кении или Эквадоре.

Неудивительно, что на этом фоне задолго до Крыма, Донбасса и тем более полномасштабного вторжения в Украину как на Западе, так и в самой России появлялись достаточно пессимистические прогнозы относительно её европейского транзита. Сэмюэл Хантингтон одним из первых разглядел усиливающийся цивилизационный разрыв между Западом и посткоммунистической Россией: если западный демократ мог вести равные интеллектуальные споры с советским марксистом, то диалог с русским православным националистом для него уже вряд ли возможен¹¹. Хантингтон предсказывал, что отношения Запада с Россией будут варьироваться «от холодности до применения насилия», балансируя между двумя этими крайностями¹². Самый точный прогноз принадлежит российскому исследователю Николаю Косолапову, написавшему ещё в 1995 году, что в начале нового столетия Россия «рискует превратиться в центр социальной и политической реакции», что может «снова противопоставить её Западу и другим регионам и культурам»¹³.

На пути к катастрофе

Были ли альтернативы сегодняшнему провалу в отношениях России и Запада, более тяжёлому, чем даже в самые трудные годы холодной войны? Сегодня можно с уверенностью сказать, что отказавшись от решительных изменений и выбрав скольжение по течению, ныне бессменный президент России, изначально заурядный спецслужбист-исполнитель, довёл доставшуюся ему постмодернистскую феодально-имперскую систему до её предела. И это в полной мере отразилось на его внешнеполитическом курсе.

Долгое время Путин, как и вся новая российская элита, смотрели на Запад с двух конфликтующих точек зрения. Запад с его капиталом и технологиями представлялся им ресурсом развития и обогащения, но либеральная политическая система Запада выглядела опасным соблазном, угрожающим интересам и спокойствию российской бюрократии и олигархии. **Взгляд на демократические революции в сопредельных странах как на репетицию переворота в самой России на фоне отказа от структурных реформ и эйфории от нефтяного бума привёл к тому, что страх победил рациональные мотивы кооперации.** К началу 2020-х годов путинская Россия окончательно выбрала в качестве главного ориентира на международной арене Китай, сочетающий современные технологии и успешную стратегию на мировых рынках с жёсткой авторитарной политической структурой. Так был предreshён развод с Западом, окончательно состоявшийся после начала полномасштабного вторжения в Украину 24

11 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2017. С. 234.

12 Там же. С. 351.

13 Косолапов Н.А. Меняющаяся Россия и стратегия Запада // Н.А. Косолапов, М.В. Стержнева, Ю.Ф. Олещук и др. Россия и будущее европейское устройство. М.: Наука, 1995. С. 270.

февраля 2022 года.

В свою очередь, западное общественное мнение после недолгого ожидания перемен от тогда ещё молодого и по-европейски смотрящегося российского лидера, после Норд-Оста, Беслана, дела Ходорковского и убийства Политковской всё больше отчуждалось от надежды увидеть реальное обновление и перемены к лучшему в России. За 15 лет, прошедших с мюнхенской речи Путина в 2007 году, новая холодная война окончательно стала реальностью.

Можно лишь согласиться с британским исследователем Бобо Ло, что российско-западные отношения столь долгое время далеки от состояния нормальности, что «нормой» здесь скорее является состояние если не открытого конфликта, то постоянной взаимной напряжённости¹⁴. Эффект инерции в международной политике проявляется как нигде: Россия и ведущие европейские страны имеют опыт отношений, исчисляемый столетиями, российско-американские отношения не могут не испытывать влияния продолжительного периода межблокового противостояния после Второй мировой войны, когда Соединённые Штаты окончательно стали глобальной сверхдержавой. Балансирование на грани открытого столкновения, постоянные дипломатические выпады, поддержка противоборствующих сторон в региональных конфликтах, гонка вооружений, санкции и торговые войны, взаимная пропагандистская борьба и шпиономания — всё это очень знакомая и понятная модель поведения, где каждый ход с обеих сторон буквально отточен со времён, предшествовавших первой Крымской войне.

«Россия слаба, но война с ней стала бы разорением», — эти скоро уже двухсотлетней давности приписываемые лорду Пальмерстону слова лучшим образом характеризуют текущий взгляд на российский вызов, доминирующий среди западных политиков. Не теряют актуальности и тогдашние обвинения европейских деятелей в отсутствии стратегии, трусости и даже продажности, которые позволяют господину Путину каждый раз выходить победителем из, казалось бы, совершенно обречённой игры. «Этот зверь на всё способен, — писал Маркс о Российской империи в начале Крымской войны. — Особенно когда он знает, что другие звери, с которыми ему приходится иметь дело, ни на что не способны»¹⁵. Тогда европейской коалиции во главе с Англией удалось провести достаточно успешную карательную операцию, без полномасштабной войны блокировав континентальную империю по основным морским направлениям, разгромив черноморский флот, взяв Севастополь и добившись ухода русских с Дуная. Николаевская Россия, служащая едва ли не идеалом для сегодняшних российских охранителей, закончила катастрофой, а последовавшие вслед за этим Великие реформы открыли очередную возможность модернизации страны.

Сегодняшняя Россия, в отличие от столетней и более давности, практически полностью избавлена от риска прямого военного воздействия. Обладание вторым в мире ядерным потенциалом делает невозможными интервенции по аналогии с первой

14 Lo B. *Russia and the New World Disorder*. London: Chatham House; Washington DC: Brookings Institution Press, 2015. P. 165.

15 *New York Daily Tribune*. July 14, 1853.

антииракской коалицией. По крайней мере в условиях современных технических возможностей, пока западные союзники не решат проблему ответного удара, такая перспектива представляется крайне маловероятной. Между тем вторая половина XX века породила другой способ взаимного сдерживания и ослабления, который оказался востребован с новой силой 35 лет спустя падения Берлинской стены.

Политика сдерживания вновь, как во времена Джорджа Кеннана на заре холодной войны, становится основой долгосрочной стратегии США и их союзников в отношении России. Не стоит упускать из вида главный негативный эффект холодной войны: это не только постоянное хождение по лезвию бритвы, но и то, что государственная бюрократия и военные, действуя в условиях чрезвычайного положения, приобретают дополнительную власть и ещё более подавляют собственных граждан. Так, для России крайности новой холодной войны уже в среднесрочной перспективе чреваты частичным или полным восстановлением практик военного коммунизма, тотального огосударствления экономики и её подчинения милитаристским задачам. Для Запада мобилизация перед лицом новой российской угрозы может стать не лучшим опытом, когда демократические силы будут вынуждены уступать собственным «ястребам» и правым традиционалистам.

Завещание Бжезинского для России

Итак, ближайший прогноз не сулит ничего, кроме всплесков существующих и новых региональных конфликтов. Ареной нового противостояния уже стали Украина и Ближний Восток. Не исключено, что к ним могут добавиться страны Балтии и всем известная часть Азиатско-тихоокеанского региона.

Всё же господин Путин преподавал России и миру один важный урок. **Если вы правитель великой державы и если у вас всё настолько хорошо, что можно ничего не делать, отдавшись воле исторической инерции, эта инерция приведёт вас в ваше прошлое, безжалостно сожрав десятилетия исторического времени, потраченного практически впустую.** Насколько далеко зайдёт обратное поступательное движение российской структуры, покажут ближайшие годы. Но если уж мы договорились, что объяснение происходящего вряд ли стоит сводить к роли одной персоны, существующей структурной инерции могут помешать только структурные факторы. Главный из них — Россия должна существенно потерять возможности обогащения за счёт продолжающегося, несмотря на войну, присутствия на мировых рынках.

Но полагаться исключительно на экономический детерминизм было бы слишком поверхностно и опасно — даром что неудачи российской экономики имеют очевидные политические причины. Все последние годы политическая структура России не развивалась, но деградировала, ставя под вопрос фундаментальные основания современного мира: неприкосновенность частной собственности, личные свободы и права граждан, мирное сосуществование на международной арене. Транзит, прошедшей после коллапса СССР, обернулся архаизацией политической сферы, деградацией

общественной жизни и человеческого капитала. Это и есть та токсичная почва, на которой произрастает современный российский вызов остальному миру, та, говоря языком Ганса Моргентау, «неприрученная варварская сила, которая строит свои законы из ничего, но верит в свои собственные силы как в единственное обоснование своей экспансии»¹⁶. Хочется верить, что наш мир переживёт и это.

Однако первое, что нужно будет сделать потом, когда неминуемая катастрофа постмодернистской империи всё же случится, — кардинально и неумолимо изменить её «вечную» политическую структуру, основанную на самодержавии, гиперцентрализации, зарегулированности и отсутствии какого-либо контроля со стороны гражданского общества. Путь к миру на внешнеполитическом направлении лежит через коренные преобразования изнутри, направленные на реальную демократизацию и федерализацию, предполагающую бескомпромиссный демонтаж господствующей архаичной военно-имперской структуры.

Для выхода из порочной спирали необходимо усвоить едва ли не самую важную европейскую ценность, состоящую в отношении к государству «не как к святыне, а как к более или менее работоспособной организации чиновников и выборных лиц, нанятых на службу обществу и каждому гражданину»¹⁷. И более того — чтобы остановить или по крайней мере сдержать продолжающийся и выглядящий вечным негативный сценарий во внешней политике, может потребоваться большой шок или серия шоков, связанных, например, с чрезвычайными обстоятельствами на российско-китайской границе или с ещё более масштабной вспышкой насилия на Ближнем Востоке, охватывающей весь регион¹⁸.

Задачей первостепенной важности для России и её отношений с «трансатлантической Европой» в союзе с США Бжезинский называл модернизацию собственного общества вместо тщетных попыток вернуть былой статус мировой державы. Путь к этому лежит через настойчивое внутреннее развитие и переосмысление российским интеллектуальным классом места своей страны на карте мира исходя из ценностей и идей современности, а не героики прошлого. «Национальная редефиниция России является не актом капитуляции, а актом освобождения»¹⁹, — эти слова отца-основателя всей новейшей российской геополитики, пожалуй, могут служить лучшим его завещанием для всех нас.

Самой сложной задачей для России будущего представляется освобождение от довлеющего над ней имперского статуса. Выступая на открытии Российской академии государственной службы в 1994 году, президент Ельцин сказал: «Россия обречена быть великой державой». Российская Федерация имеет сухопутную границу с 14 международно-признанными государствами от Норвегии до Северной Кореи и ещё

16 Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. NY: McGraw-Hill, 1993. P. 104.

17 Арбатов А. Особый имперский путь России // 20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе / Под ред. Н. Бубновой. М.: Московский центр Карнеги; РОСПЭН, 2011. С. 49.

18 Lo B. Op. cit. P. 200.

19 Бжезинский З. Указ. соч. С. 145.

с двумя — США и Японией — граничит через морские проливы. Такое количество сухопутных пограничных стран имеет только Китай. Однако если Китай граничит со странами одного континента в Южной и Юго-Восточной Азии, то российская граница простирается от Северной Европы практически вдоль всей Азии и через Арктику до Северной Америки. Малонаселённая и слабо колонизированная Россия находится ровно посередине между тремя самыми густонаселёнными частями света.

Столь уникальное географическое положение могло бы сделать нашу страну крупнейшим центром и важнейшим коридором международной коммуникации. Вместо этого международные терминалы московских аэропортов практически пустуют третий год подряд. Страна, способная обеспечивать мирное экономическое и политическое сообщение между ведущими странами, превратилась в международного изгоя и угрожает миру ядерным апокалипсисом.

Воистину, избавление от имперского бремени представляет главную задачу перезагрузки России в XXI веке. Только деколонизированная, ставшая полноценной федерацией страна способна вернуться в качестве полноправного участника международного общения, перестав восприниматься соседями в качестве постоянной угрозы и выступив надёжным партнёром передовых демократических наций. В противном случае нас ждёт бессмысленное и пагубное противостояние с мировыми лидерами с постоянным балансированием на грани всеобщей истребительной войны.

III. Задачи внешней политики России будущего

Любые мирные декларации нового российского руководства ещё долго после смены путинского режима и возможной после этого демократизации не будут вызывать доверия, особенно на Западе. Феномен Горбачева вряд ли удастся повторить в XXI веке, никто не будет верить российской стороне на слово. Скорее в Вашингтоне и Брюсселе в десятикратной степени будут руководствоваться старой поговоркой «доверяй, но проверяй», которую Рональду Рейгану рекомендовала его советница по России Сюзанна Мэсси.

Чтобы вернуть доверие и расположение мировых лидеров, мало будет объявить демократизацию и федерализацию. Нужно будет довести объявленное до конца и доказать всему миру устойчивые и необратимые результаты реформ. Первоначально российская демократия, даже если таковая возникнет, будет восприниматься как слабая и подверженная реваншу империализма и авторитаризма. Это подозрение не исчезнет по меньшей мере те один или два срока, которые новый президент России будет занимать своё кресло — пока он не передаст свой пост в результате свободных и конкурентных выборов желателю представителю другой политической силы. А реальная консолидированная демократия в России сложится только после повторной смены власти в результате выборов, на что потребуется не менее 16 лет в случае

возвращение к президентским срокам продолжительностью в четыре года.

То есть на возвращение доверия к России может уйти не менее двух десятилетий. **Если падение власти Путина случится в ходе следующего голосования в 2030 году, окончательной социализации России в международном обществе демократических стран можно ожидать лишь около 2050 года.** Ускорить этот процесс практически невозможно, он зависит от серьёзных структурных перемен в российской политике. Известно одно: чем раньше мы начнём это делать, тем раньше и успешнее это будет завершено. России предстоит очень долгий путь и много работы, чтобы вернуть себе доверие и расположение европейских и североамериканских партнёров.

КРІ внешней политики демократического государства

Коренным образом в России будущего должна быть пересмотрена и концепция национальных интересов. До сих пор под этим широко употребляемым понятием понимается нечто крайне неопределённое и зависящее от воли начальства.

Понятие *raison d'état* впервые появилось во Франции эпохи абсолютизма в XVII веке благодаря Максимилиену Сюлли и его преемникам при дворе французских королей. Переводимое как «государственный интерес», оно предполагало защиту от внешних врагов на международной арене, чему служило дворянство шпаги. Слово «национальный» появится во Франции только в конце следующего столетия, однако применительно к внешней политике национальный интерес ещё долго будет пониматься как государственный. Ситуация начнёт меняться только после Первой мировой войны, когда вовлечённые в боевые действия многомиллионные массы начнут требовать переосмысления старого понятия с учётом собственных потребностей. И только после Второй мировой войны с принятием Всемирной декларации прав человека государства-члены ООН формально признали приоритет интересов гражданина над государством. Разумеется, авторитарные режимы признали это только на бумаге.

Но если посмотреть на национальные интересы сквозь призму прав и потребностей граждан, очевидной станет простая задача любого внешнеполитического курса: он должен способствовать мирному существованию, экономическому процветанию и душевному благополучию граждан. Об эффективности подобного курса необходимо судить по конкретным результатам, проявляющимся в жизни людей.

Ключевые показатели эффективности (пресловутый КРІ) — это то, что гражданское общество вправе требовать от своего правительства в демократической стране. Применительно к внешней политике этот коэффициент может быть измерян по нескольким вполне конкретным и понятным показателям.

Процветание граждан любой страны зависит от валютной выручки, получаемой от внешней торговли и международных инвесторов. Следовательно, **одним из ключевых КРІ внешнеполитического курса страны должны стать показатели**

внешнеторговых доходов и объём привлечённых иностранных инвестиций. Если соответствующие показатели растут, значит, внешняя политика эффективна.

Не только экономическому развитию страны, но и её безопасности способствуют внешнеполитические союзы. Чем больше союзников у страны среди развитых и сильных стран, тем больше гарантий её военной безопасности и экономической устойчивости. За прошедшие 30 лет Россия упустила исторический шанс стать полноправным членом «большой восьмёрки» наиболее развитых стран мира. Если не остановить существующие тенденции, довольно скоро вопросом может стать наше членство в «большой двадцатке» среднеразвитых стран. Россия будущего нуждается в союзнических отношениях с наиболее успешными и богатыми нациями мира. На выстраивание отношений с ними уйдут десятилетия, но это единственный путь к национальному успеху в современном мире. **Долгосрочным показателем КРІ внешней политики России до середины текущего столетия должно стать установление союзнических отношений с США, их партнёрами по НАТО и союзниками за пределами Североатлантического альянса.** На сегодняшний день Россия поддерживает более-менее сносные отношения только с Турцией и Израилем, не самыми сильными союзниками Соединённых Штатов. К тому же эти отношения далеки от союзнических и скорее балансируют на постоянной грани скатывания в конфронтацию. В будущем России предстоит проделать долгую и трудную работу по восстановлению добрососедских отношений и выходу на возможные союзнические договоренности со всеми ведущими мировыми демократиями, от США и Великобритании до Японии.

Наконец, ещё одним важным с точки зрения потребностей граждан внешнеполитическим КРІ может стать позиция России в международном рейтинге паспортов. По рейтингу силы паспорта в 2024 году наша страна занимает 36 место вместе с Турцией и Черногорией. Российским гражданам [открыт](#) безвизовый въезд в 84 страны, ещё в 43 виза ставится по прибытии, и для въезда в 71 страну её нужно получать заранее в консульстве. Известно при этом, что США и большинство стран ЕС с 2022 года фактически прекратили массовую выдачу виз россиянам.

По силе паспорта Россия на 16 пунктов отстает от Украины (20 место) и на столько же опережает Беларусь (52 место). Идеальной перспективой для России в 2050 году могла бы служить Аргентина, которая в рейтинге паспортов занимает сегодня 12 место.

Российские показатели в международном индексе паспортов не так уж и плохи, однако **задачей внешней политики будущего должно стать снятие визовых ограничений для российских граждан в первую очередь в сопредельные страны Европейского Союза и Японию.** Для начала стоит добиваться хотя бы возвращения прежней практики выдачи туристических виз (на это уйдут годы), но стратегическая цель должна быть поставлена ясным образом как показатель эффективности внешнеполитического курса России на десятилетия вперед.

Все приведённые КРІ довольно легко считаются и могут служить целями долгосрочного внешнеполитического курса новой демократической России. Под их реализацию должны подвёрстываться конкретные пакеты мер. Далее мы остановимся на наиболее важных.

Базовые меры перезагрузки внешней политики

После окончания текущего кризиса России предстоит преодолеть не менее двух десятилетий недоверия и отчуждения со стороны внешнеполитических партнеров. Прежде всего это будет касаться отношений с наиболее развитыми, богатыми и сильными странами мира во главе с США и их союзниками.

В этой части предлагаются пакеты базовых мер, которые позволят постепенно вернуть доверие к России и сделать её полноценным участником международного общения стран с устойчивыми демократическими режимами. Первое требование здесь связано с постоянной работой над повышением позиции России в рейтинге свободы Freedom House. Если когда-нибудь территория нашей страны на знаменитой карте свободы сначала пожелтеет, а потом позеленеет, это будут самые хорошие новости для её внешнеполитического курса. Больше половины успеха кроется в этом рейтинге.

Конкретные пакеты внешнеполитических мер должны включать:

- Заключение мира и установление границ с соседними странами;
- Возвращение к верховенству права и соблюдению прав человека;
- Демилитаризацию страны;
- Возвращение к диалогу;
- Политику открытых дверей.

Первый пакет мер предполагает в первую очередь прекращение войны с Украиной, полное восстановление суверенитета и территориальной целостности этой страны в соответствии с ранее заключенными международными договорами. В части вопроса о границах целесообразным представляется следование духу и букве Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Украиной от 31 мая 1997 года, ратифицированного в 1999 году.

Помимо этого основополагающего договора с Украиной, должны быть отменены решения российского руководства в отношении нарушения территориальной целостности Грузии и Молдовы. Российская Федерация должна вернуться к признанию территориальной целостности обоих соседних государств в их международно-установленных границах. Непризнанные государства Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье должны прекратить получать военную и финансовую помощь из России, которая возьмёт на себя обязательства не препятствовать реинтеграции этих территорий в состав независимых государств Грузии и Молдовы.

Не менее важно заключить мирный договор с Японией, урегулировав территориальный спор из-за островов Курильской гряды. Мирный договор должен развивать нормы, заложенные Московской декларацией 1956 года о формальном прекращении военных действий между СССР и Японией после Второй мировой войны. По сути, та большая война не может считаться полностью завершённой, пока не будет подписан этот мирный договор. Несмотря на то, что с начала 1990-х аналитическим службам не только российского МИДа, но и спецслужб было прекрасно известно

единственно возможное решение этого вопроса, популистское заигрывание президента Ельцина с великодержавным шовинизмом части российского общества не позволило заключить договор, необходимость в котором давно перезрела.

Второй пакет мер по возвращении верховенства права и соблюдения прав человека означает не только отмену всех неправовых законов последнего десятилетия, но и возвращение России под юрисдикцию Европейского суда по правам человека. Эти меры должны быть приняты безотлагательно в первые же месяцы после смены режима.

В дальнейшем законодательство России должно быть в течение нескольких лет приведено в максимальное соответствие со стандартами наиболее передовых демократических стран. Это должно коснуться и такой болезненной в сегодняшней России темы, как защита прав ЛГБТ-сообщества. Будет очень правильно, если в демократической России будет принят закон о легализации однополых браков. Аналогичные законы уже приняты во многих странах, прошедших путь демократизации после падения своих авторитарных режимов. Подобная мера способна улучшить доверие и сблизить отношения России с теми передовыми странами мира, которые разделяют политику толерантности к сексуальным меньшинствам.

Четвёртый пакет мер касается демилитаризации страны. В первую очередь он предполагает отказ России от использования своих вооружённых сил за рубежом и признание войны категорически неприемлемой формой разрешения международных противоречий. Россия должна раз и навсегда отказаться от ведения агрессивных и захватнических войн. Новая военная доктрина должна декларировать сугубо оборонительные цели формирования российских вооружённых сил.

Поскольку демократии не воюют друг с другом, у республиканской России не будет нужды держать войска у границ с демократическими государствами. В порядке жеста доброй воли наша страна могла бы освободить значительную часть своей территории от тяжёлых вооружений и наступательных вооружённых сил. Границы с Европейским союзом и НАТО не нуждаются ни в какой специальной защите, кроме пограничной службы и групп антитеррористического реагирования на случай проникновения и действия международных бандформирований наподобие ИГ и Талибана.

Демилитаризации вполне могут подлежать граничащая с Соединёнными Штатами и Канадой зона Арктики, а также большая часть западных регионов страны. При этом России необходимо увеличить силы обороны на границах с авторитарными государствами Южной Азии и Дальнего Востока. Не претендуя на территории Северного Казахстана, необходимо чётко демаркировать и обеспечить защиту российско-казахстанской границы с целью предотвращения угрозы вторжения со стороны агрессивных исламистских режимов, могущих возникнуть в этом регионе.

Встав на демократический путь развития, России придётся разорвать дружеские узы с авторитарными режимами у своих границ и перейти к политике сдерживания с целью содействия их постепенной демократизации. В этой государств (СНГ), ставшего с некоторых пор клубом евразийских диктаторов. Роспуску подлежит и Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), служащая военно-

полицейским задачам защиты авторитарных режимов в Беларуси и Центральной Азии. Россия должна также отказаться от всех военных баз за пределами своей территории.

Четвёртый пакет мер связан с возвращением к диалогу с Европейским союзом и НАТО. Прежде всего здесь необходимо восстановить полноценное членство России в Совете Европы. Далее можно переходить к постепенному восстановлению Совета Россия — НАТО и воссозданию переговорных площадок с ЕС. Особое внимание при этом необходимо уделять европейским странам, непосредственно граничащим с Российской Федерацией. Символические жесты примирения, открытое и честное обсуждение болезненных моментов исторической памяти в сочетании с полным отказом от вмешательства во внутренние дела этих стран должно открыть возможность для преодоления текущей стены недоверия и установления добрососедских отношений.

Нужно быть реалистами: огромная Российская Федерация никогда не сможет стать членом Европейского союза. Это не должно вызывать обид и отторжения: Соединённые Штаты и Канада тоже не претендуют на членство в ЕС, оставаясь частью большой трансатлантической Европы. В перспективе двух десятилетий после падения путинского режима возможно заключение ассоциации между Россией и единой Европой по аналогии с той же Канадой и рядом других стран за пределами Европейского континента.

Важным шагом к нормализации отношений могло бы стать принятие нового основополагающего документа по безопасности и сотрудничеству в Европе в подтверждение и развитие норм и правил, заложенных Заключительным Хельсинкским актом 1975-го и Парижской хартией 1990 года. **Главная задача России в формате нового европейского партнёрства — на деле способствовать поддержанию верховенства права, демократических свобод и прав человека на своей суверенной территории.**

Наконец, пятый пакет мер предполагает проведение политики открытых дверей. Поскольку Россия в течение продолжительного времени после окончания войны будет вызывать подозрения и настороженность у западных партнёров, россиянам поначалу придётся в одностороннем порядке проявлять чудеса дружелюбия и гостеприимства, с удвоенной силой работать над организацией долгосрочной и устойчивой индустрии гостеприимства в нашей стране. Российские пограничники должны стать самыми приветливыми к обеспеченным гостям из развитых стран и самыми суровыми к потенциальным террористам, пытающимся проникнуть на нашу территорию из несостоятельных государств или из жёстких автократий.

Политика открытых дверей может включать одностороннюю отмену визового режима для США, Канады, Великобритании, стран Европейского союза, Австралии, Новой Зеландии и Японии. Для представителей бизнес-кругов, академических работников, деятелей культуры и цифровых кочевников из этих стран необходимо создать облегчённые процедуры получения вида на жительство и открытия своего дела в России. Российский рынок должен открыться для крупных международных банков, строительных и автомобильных компаний, IT-индустрии и прочих бизнесов, способных принести в страну новые рабочие места, современные технологии и нормы отно-

шений с клиентами и сотрудниками. Пресловутый российский бизнес слишком лоялен диктатуре, поэтому не заслуживает защиты излишними протекционистскими мерами в будущем. Российский же рабочий и обыватель из среднего класса прекрасно найдут себя в современных компаниях, где будет больше возможностей для защиты и соблюдения их трудовых и потребительских прав.

Таковы основные пакеты мер, первостепенных по своему значению в плане реализации главной задачи — постепенного возвращения России из положения страны-изгоя сначала к диалогу, а затем к восстановлению и расширению партнёрства с ведущими демократическими нациями современного мира. Этой задаче должна служить внешняя политика демократической России будущего.

Послесловие

Внешняя политика как предмет публичных дебатов

Вопросы внешней политики в России традиционно остаются делом узкого круга высокопоставленных дипломатов и военных. Профессионалам-де виднее, как переставлять фигуры на великой шахматной доске. До Первой мировой войны так считали и в демократических странах: политические партии не вели дебаты по вопросам международных отношений, оставляя их решение своим условным выпускникам МГИМО. Однако когда эти «профессионалы» довели дело до чудовищной войны, забравшей миллионы жизней по всей Европе, политики и общественные деятели в Великобритании и США невольно озаботились международными отношениями, сделав их предметом своего деятельного участия. Люди с лицами, опалёнными войной, открыли для себя новую область знания. Международные отношения стали предметом независимых академических исследований и публичных политических дебатов.

В России эта практика не прижилась до сих пор, выпускники МГИМО и разведшкол по-прежнему сохраняют монополию на «профессионализм» в сфере международных отношений. **Одна из задач подлинной демократизации нашей страны состоит в том, чтобы сделать внешнюю политику предметом публичных дебатов и поставить её на службу гражданам, а не привилегированной группе чиновников и силовиков.** Этот текст представляет первую попытку разговора о российской внешней политике с позиций гражданского общества и гуманитарного знания, а не государственного интереса.

Об авторе

Василий Жарков — приглашённый лектор Европейского гуманитарного университета (Вильнюс).